

ЕСЕНИН В ТВОРЧЕСКОЙ СУДЬБЕ АРСЕНИЯ ФОРМАКОВА (20–30-Е ГОДЫ)

Эдуард Мекш

Даугавпилсский университет
Кафедра русской литературы и культуры

Арсений Формаков (1900–1983) – поэт и прозаик, публицист и мемуарист, автор трех поэтических сборников (*Вечера прошлого*, 1925; *В пути*, 1926; *Встреча*, 1934), двух прозаических книг (*Наша юность*, 1931; *Фаина*, 1938), воспоминаний об Игоре Северяnine (1969) и многочисленных публикаций в газетах и журналах. В 1931 г. Формаков издал в Риге *Новый учебник русской грамматики* для 3-го и 4-го классов русских основных школ с приложением орфографического словаря.

До войны Формаков, учитель и редактор городской газеты, проводил большую просветительскую работу в Даугавпилсе и Латгалии. В послевоенные годы (после возвращения из лагеря) он много работал как переводчик латышских писателей, создавал литературные сценарии для республиканского радио. Полного описания творческого наследия Формакова еще нет, его стихи и проза разбросаны по периодическим изданиям и изредка всплывают сегодня в филологических изысканиях. Несмотря на интенсивное литературное творчество Формакова в 50–70-е годы, надо отметить, что основной

его литературный массив принадлежит 20–30-м гг., «самому благополучному периоду жизни», как замечает в своих воспоминаниях дочь писателя – Евгения Арсеньевна Формакова¹.

В поэзии Формакова 20–30-х гг. явно просматривается желание быть оригинальным автором. В качестве образца он избирает Игора Северянина, не замечая того, что последний давно уже выглядел в глазах знатоков несколько старомодным² и стихи Северянина-эмигранта были «чаще всего стихоплетством, близким к графомании», по верному определению Е. Эткинда (Эткинд 1988, 95).

Первый сборник Формакова *Вечера прошлого* пронизан северянинскими аллюзиями, типа «Вы пришли – и ушли, и исчезли, испарились / белокурая, стройная, знойная леди» (Формаков 1925, 9).

¹ «До 1940 г. самый благополучный период жизни – семья, ребенок, работа в литературе (газета *Двинский голос*)» – Формакова 2002, 354.

² «Столица русского края, Двинск, отставала от бега времени, что видно хотя бы по духу и вкусам местной “элиты”. Учитель, издатель газеты и поэт Арсений Формаков жил еще “по Северянину”, тогда как Рига уже считала Северянина анахронизмом» (Абызов 1996, 288).

Северянинские цитаты остаются и во второй книге Формачова *В пути*, например: «Вы совсем не такой, как надо, / Вы – не в ритме своих поэм, /и читаете – хочется крикнуть: / – Ах, какой несмышленный чтец! (Формачов 1926, 13)

В третьей книге, хотя и в меньшей степени, но тоже встречаются переключки с Северянином: «Миллионы о счастье спорят, / а хватает один, на лету.../ Вот и мной в фиолетовом море / найден вереск в белом цвете» (Формачов 1934, 13). От Северянина идет у Формачова нарочитый урбанизм и связанная с ним антидеревенская тема: «Не люблю проходить деревнями, / недоверчивыми, озлобленными, / где жутью и мутью древними / последние люди затоплены» (Формачов 1926, 5). В данном случае налицо спор Формачова с Ник. Клюевым, в стихах которого отразилось совсем другое понимание деревенского мира: «Прохожу ночной деревней, / В темных избах нет огня, / Явью сказочную, древней / Потянуло на меня» (Клюев 1919, 135).

Формачов – автор литературный, демонстрирующий в своих стихах знание как поэтов-классиков, так и современников. В своих деревенских экзегезах он спорит с одними (чаще всего с Клюевым и Есениным) и обращается за поддержкой к другим (из классиков – к Лермонтову, из современников – к Северянину). В сложившуюся коллизию «город – деревня» он вводит третий компонент – природу. Выглядит это несколько абсурдно: оказывается, что деревня не только не связана с природным ареалом, но и противостоит ему. Так, в стихотворении «Иду изъезженными дорогами...» Формачов, отделяя дере-

венский социум от природы, строит содержание по принципу антитезы «не люблю (деревню) – люблю (природу)». Эту антитезу он утверждает с лермонтовским энергично удвоенным противительным союзом:

Но люблю зеленый всплеск березки
из серебряного лезвия,
в небе бледном – желтые полосы,
месяца обгрызлые края.
Но люблю холмов зеленых груди,
за леском – неизвестный простор,
и тропарь торжественных безлюдий,
И смуглянки встретившейся взор.

(Формачов 1926, 5)

Стихотворение Формачова «Иду изъезженными дорогами...» варьирует также тему странничества, заявленную Клюевым и Есениным. Последняя строфа стихотворения Формачова: «Много нас, бездомных, так бродяжит, / с песней в сердце, с грузом грозных лет. / Только слово с Родиною вяжет, / Только вера движет по земле» (*Там же*, 5) явно соотносима со знаменитыми строками Есенина из стихотворения «Гой ты, Русь, моя родная...»: «Если крикнет рать святая: / Кинь ты Русь, живи в раю! / Я скажу: не надо рая, / Дайте родину мою!» (Есенин 1916, 19).

У Есенина (как и у Клюева) нет противопоставления деревни и природы: его Русь включает в себя как мир крестьян, так и природную среду. У Формачова же появляется странный образ Родины без деревень, которые он явно не любит. Взятая в качестве союзника лермонтовская поэзия не объяснит подобной странности двинского поэта. «Дрожащие огни печальных деревень» манили Лермонтова, «серые избы» «нищей России» для Блока были слезами «первой любви». Для Есенина же и Клюева деревенская Россия – лучшая из земных стран.

Показателен опубликованный в сборнике *В пути* текст «Деревня» («поэма в трех планах», как ее определяет автор). Первый план поэмы – это, конечно, деревня, где «земля остановилась, / а если и вертится, то назад» (Формаков 1926, 85). Второй план – город с его машинной цивилизацией: «Новые глотки заводов / орали в гулкий котел / безукоризненных сводов, / что час работы пришел» (*Там же*, 88). Противопоставление города и деревни – распространенная коллизия в русском искусстве XX столетия. Формаков свершающуюся борьбу «дремучего быта» с «машинным войском» показывает как исход с переменным успехом. Первые машины-разведчики погибают в деревне:

Смолистым дрекольем
по кузову – ать!
по стеклам зеркальным –
любо кромсать! –
по пружинным подушкам
в бензиновый бак...
Принесли старушкам
лакированный башмак,
в гущу бород
пряча веселье трепака:
– Как побежит ен, враг,
без башмака.

(*Там же*, 87)

Но «враг» наступал на деревню по всем правилам военной науки: «Черепашьим танковым шагом, / грузным лязгом грузовика / наступали по лугам и оврагам / города машинные войска» (*Там же*, 89). В подобной оппозиционности заложена трагическая коллизия, в духе есенинского «Сорокоуста». Но, чтобы увидеть эту трагедию как экологическую и этнокультурную, надо было по-есенински проникнуться болью живого. У Формакова этого нет. И здесь надо сказать о третьем

плане поэмы двинского поэта, претендующего на оригинальность, – плане, изображающем создание англичанином, «профессором оксборнского университета», искусственной пищи. Знаком победы «пилюль консервированной еды» становится почти ритуальное выбрасывание хлеба из окна. По мысли Формакова, искусственная еда примирит былых противников – город и деревню:

И ты, родная деревня,
доживая последние дни,
напрасно хмурила гневно
соломенные брови свои.

Напрасно злобой рдели
зеленые кущи рябин,
и злые старухи шипели
на вихрь внезапных стремнин.

(*Там же*, 92)

Однако Формаков понимает, что машинный рай с искусственной едой – это дело будущего, а пока что:

Будем сеять, покуда сеется,
обряжать землю-мать,
и природу – алую девицу
в уста сахарные целовать.

Так, пока не умрет последний,
будут сохи светло гореть,
и цвести хлебородные бредни,
и о солнце – пташки петь.

А умрем – возводите заводы,
тычьте в небо пальцами труб,
чтоб никак убитой природы
не восстал обесчещенный труп.

(*Там же*, 93)

Так завершается эта странная поэма, в которой прославляется убийство деревни, а убийство природы отодвигается на неопределенный срок. Чего в этом тексте больше: наивности учителя-словесника, рисующего своим читателям радужную перспективу технологического будущего

или отражения нравственной слепоты, присущей многим людям XX века, ослепленным машинными победами? Впрочем, возможно, и того, и другого.

Во всем сборнике *В пути* есть единственное по-человечески теплое стихотворение, где звучат есенинские нотки без показухи и критического подтекста. Стихотворение это, кстати, хорошо и с формальной стороны, без потуги на новаторство:

Здесь все патриархально просто,
как ровный дедовский рассказ:
и ржи хрустящая полоска,
и жаворонков звонкий пляс,
и тихий хоровод сосонок
на скате милого холма,
и – в поле – прыткий жеребенок,
и комаринья кутерьма.
Всему, как матери, по-детски
усталым сердцем просто рад,
хожу молиться в перелески
и отдыхать от мыслей в сад.

(Там же, 57)

«Прыткий жеребенок» вызывает в памяти есенинского «красногривого жеребенка», а «комаринья кутерьма» соотносится с есенинской поэмой «Русь», содержащей признание поэта: «Я люблю над покосной стоянкою / Слушать вечером гуд комаров. <...> Ой ты, Русь моя, милая родина, / Сладкий отдых в шелку купырей» (Есенин 1921, 42). Хожение лирического героя Формачова «молиться в перелески» тоже находит свое подтверждение в есенинских стихах (ср. «Я молюсь на алы зори, / Причащаюсь у ручья» – Есенин 1916, 52).

Все есенинские цитаты в стихах Формачова, в основном, аллюзивные: Есенин и манил его, и настораживал. Мечтая быть поэтом будущего, Формачов в своей

поэзии стремился опровергнуть «певца прошлого», но получалось это не очень убедительно. В целом, можно констатировать, что в поэзии Формачова явно преобладает антиесенинская направленность, чего нельзя сказать о его прозе.

Пристальное внимание к Есенину проявилось после гибели поэта, прежде всего в публицистике Формачова. 4 июля 1927 г. в газете *Слово* двинский литератор публикует заметку «Убийцы Есенина», а 19 ноября в той же газете – очерк «На могиле Есенина. Из московских впечатлений». Последняя публикация связана с летней поездкой Формачова в Ленинград и Москву с группой рижских учителей.

«Убийцы Есенина» – это своеобразная рецензия на мемуарное издание *Сергей Александрович Есенин. Воспоминания*, вышедшее в свет в Москве в 1926 г. под редакцией И. Евдокимова. Перечислив авторский состав, Формачов выделяет сквозную тему воспоминаний – бесконечные упоминания о пьяных скандалах и дебошах поэта, подробно останавливается на повествовании о поведении Есенина в гостях у Николая Асеева. «Бедный, жалкий беспризорный медленно опускается на дно. И кругом ни души, чтобы протянуть руку, спасти, вырвать из омута, увезти в деревню, на восток, куда угодно. Как благотворно на него действовали поездки в деревню, в Баку, в Туркестан», — пишет Формачов.

Многие есениноведы подчеркивают благотворность поездок Есенина, особенно на Кавказ. Формачов также считает, что «последнее бегство его [Есенина – Э. М.] в Питер вызвано инстинктивным стремлением бежать из омута». Вывод, который делает Формачов по прочтении этой книги

воспоминаний, закономерно возникает из удручающих констатаций авторов мемуарных заметок: «Друзья» – авторы воспоминаний – безответственные убийцы. Это очевидно. Человек погибал, не только на их глазах, у них в компании, в их комнатах – и погиб, одинокий, затравленный беспризорьем и неумением устроиться».

Формаков не без основания полагал, что воспоминания «друзей» Есенина не объективны: «Эта книга, не портрет Есенина в последние годы. Это публичное самосечение авторов, спокойно зарисовывающих ту невозможную атмосферу теперешнего советского писательского быта, которая заела Есенина, но в которой живут и благоденствуют многие...».

У текста о посещении Формаковым могилы Есенина на Ваганьковском кладбище есть три варианта: в газете *Слово* (1927, 19 ноября), в парижском журнале *Числа* (1933, кн. 7–8) и в романе *Фаина* (1938). Все три варианта имеют стилистические отличия и уточнения. Публикации в *Числах* и в романе расширены и рассказывают не только о посещении Ваганьково, но и Смоленского кладбища в Ленинграде. О соотношении текстов *Слова* и *Чисел* подробно говорится в статье, опубликованной в *Есенинском сборнике* (Мекш, Хазан, 1995, 126–137). В данной же статье целесообразно говорить о есенинской теме в романе Формакова *Фаина*.

Предваря критику читателей, Формаков так объясняет обозначенный на обложке и на титуле жанр книги: «...Все произведения в прозе, что бы они собой ни представляли, если только превышают сто страниц печатного текста, называются

романом. В конце концов, почему и не так? Назвал же Гоголь *Мертвые души* поэмой!» (Формаков 1938, 96)

Если следовать такой «пограничной» логике Формакова, то произведение его, действительно, «роман», потому что включает 186 страниц печатного текста. Но если говорить серьезно, то *Фаина* – не столько роман в классическом понимании, сколько цикл путевых заметок (Трофимов 2002, 66–71) со сквозным автобиографическим героем, писателем Аркадием Петровичем. А «всякая автобиография, выполненная в художественной форме, таит в себе элементы мифологии» (Долгополов 1988, 372).

Это можно наблюдать в произведении Формакова в развитии сюжетной любовной коллизии центрального героя. В композиционном же плане Формаков, скорее всего, ориентировался на роман Р. Б. Гуля *Жизнь на фукса*, изданный в России в 1927 г.

Роман Формакова делится на 33 главы и эпилог; каждая глава озаглавлена в соответствии с фабульным развитием текста: отъезд из Риги (глава 1–2), прибытие в Ленинград (главы 3–12), пребывание в Москве (главы 13–32), отъезд (глава 33), эпилог («Письмо Фаины»). Композиционная модель романа Гуля *Жизнь на фукса* аналогична: киевский арест автора – высылка в 1919 г. 500 русских военнопленных в Германию – пребывание в лагере в Гарце – пребывание в Берлине – эмигрантские встречи Гуля с Андреем Белым, Есениным и др. Гуль группирует свой текст по темам, например: «Киевляне в Гарце», «Побежденный Париж» и т. д. Внутри глав идет своя разбивка. Гуль объясняет название романа

в диалоге двух эмигрантов в финале своего произведения: « – Николай Петрович, вы любите жизнь? – А вы, Марь Сергеевна, думаете, что у нас с вами жизнь? – То есть как же, Николай Петрович? – Да так, Марь Сергеевна, мы ведь с вами на фукса живем» (Гуль 1990, 474).

У Формакова тоже есть объяснение названия романа: в главе 12 «В гостях у Блока» изображена «молоденькая девушка в парусиновом, простеньком платье, носящем явные следы частых стирок, серые выразительные глаза чуть навывкате, в русых длинных волосах, уложенных небрежной прической, цветок клевера, пыльные пятки босых ног». Это портрет героини. Далее идет социально-политическое уточнение: «Девушка кончает университет по историко-архивному факультету. Она комсомолка, кандидат в партию» (Формаков 1938, 55). Позднее выясняется, что она посещает «перевальский» литературный кружок и не чужда поэзии. «У нее Блоковское имя: Фаина», – замечает Формаков. Именно это становится символом романа, потому что, как замечает спутник главного героя Розанов, «Фаина у Блока один из ликов России» (*Там же*, 58).

Произведение Формакова – это повествование о рефлектирующем русском интеллигенте, вынужденном, в силу сложившихся политических обстоятельств, быть гражданином нового национального государства, рожденного развалом Российской империи. Какую территорию считать своей родиной? Этот вопрос был мучительно важным для многих русских людей, оторванных от России. Герой Формакова говорит по этому поводу своему российскому другу

юности Бергу: «Знаешь, к вам сюда я приехал как бы в поисках родины. Духовной Родины, Родины с большой буквы. Моя отчизна – там, я тамошний подданный, верный гражданин. И благодарный. Меня спасли от красного кошмара, создали мне мирную жизнь, нормальные условия существования. [...] Новые государственные цвета – мои цвета, и государственный гимн – мой гимн, хоть и не на моем языке. Это не только лояльность. Нет, глубже, сильнее. Я, как дерево, корнями соединен со страной, в которой родился, живу и помру, в чьей земле погребены мои прадеды, деды, родители. Там моя подлинная отчизна. А здесь – здесь моя духовная родина. Я же русский» (*Там же*, 89).

Но под понятием «духовной родины» автор и его герой подразумевают только культурное прошлое страны (что характерно было для многих эмигрантов). Замечания Формакова о «духовной родине» сродни словам Е. Замятина, которые, возможно, он знал: «...Я боюсь, что у русской литературы одно только будущее: ее прошлое» (Замятин 1999, 53). Герой Формакова говорит своему другу: «Вот я приехал, чтобы помимо всего... мимо всего приобщиться русскому духу, поклониться вечным святыням России. Как-то так получается, однако, что для меня это паломничество – паломничество по могилам. Мертвые церкви, мертвые музеи, даже школы из-за летних каникул – мертвые. Комната, где умер Пушкин, могила Блока [...]. Вот схожу еще на могилу Есенина, в музей Толстого... Все это – прошлое. А нынешнее? Ведь и оно уже имеет своего покойника в мавзолее на Красной площади!» (Формаков 1938, 89).

Пушкин, Блок, Есенин, Толстой – вот вехи литературного путешествия по России героя Формакова, к ним устремлен он – молодой поэт, чьи стихи бережно переписывает в девичий альбом Таня Смурская и насмешливо читает Берг в главе 17-й, потому что в них «было много наивно детского, простодушно-юношеского». Впрочем, насмешник Берг через некоторое время признается: «А знаете ли, в простоте тоже есть своего рода прелесть. Мне эти стишки после Пастернака и Маяковского, как... ну, скажем, как простая питьевая вода после хорошего красного вина» (*Там же*, 80).

В сопоставлении с именами Маяковского и Пастернака звучит и есенинский подтекст, ибо Есенин при жизни, да и после смерти, постоянно противопоставлялся этим двум поэтам. Правда, Берг не говорит, что Аркадий Петрович подражает Есенину, наоборот, подчеркивает, что в альбомных стихах, записанных Смурской, «северянисто до черта. Прямо читать тошно» (*Там же*, 83). Так Формаков вскрывает свое литературное «родство» с Северянином; Есенин же, чье имя, как и имя Блока, довольно часто звучит на страницах романа, является одной из духовных ипостасей неразгаданной Фаины-России.

Впервые упоминание о Есенине появляется в главе 5-й («Розанов жив»), в которой Аркадий Петрович вспоминает о своих студенческих годах в революционном Петрограде, когда «на паек выдавали по осьмушке хлеба, и дежурство в институтской столовой при удаче давало около фунта хлеба – остаток от раздачи, счастье, которого все добивались. На вечеринке в «Техноложке» выступали

Блок и Есенин. Аркадий носил тогда к Блоку свои первые стихи» (*Там же*, 22). Действительно, упоминаемые в романе, города Великие Луки и Петербург связаны с биографией Формакова. Как пишет дочь писателя, «во время 1 мировой войны семья Формаковых эвакуируется в г. Великие Луки. Там Арсений поступает в реальное училище, которое заканчивает в 1916 г. Для продолжения учебы поступает в Петербургский институт инженеров железнодорожного транспорта. Учебу прерывает революция, и он возвращается в Двинск, где к этому времени обосновалась его семья» (Формакова 2002, 354).

О своем возвращении из Петрограда в Латвию Формаков расскажет в очерке «Десять лет назад» (*Слово*, 1928, № 799). 20 февраля 1918 г., буквально перед возвращением он, возможно, и видел Есенина в Технологическом институте на вечере чествования Блока. Читал ли тогда Формаков свои стихи Блоку, сказать трудно, хотя, если бы читал, то, думается, не преминул бы об этом где-либо упомянуть. Скорее всего, намерение прочитать стихи Блоку осталось не исполненным из-за плотной программы чествования автора «Скифов». А фраза «Аркадий тогда носил к Блоку свои первые стихи» возникла, очевидно, по ассоциации с упоминанием совместного выступления Блока и Есенина, потому что подобный факт был в творческой биографии последнего (как известно, Есенин встретился с Блоком и читал ему свои стихи в Петрограде 9 марта 1915 г.).

Тема «Блок и Есенин» получит продолжение в главе 12-й «В гостях у Блока». Осматривая могилу поэта и деревянный, «когда-то побеленный крест», Аркадий

читает, а затем списывает в записную книжку карандашные эпитафии и среди них такое: «на другой стороне креста, четверостишье Есенина, в трагической своей судьбе перекликнувшегося с Блоком:

Все мы, все мы в этом мире тленны.
Все пройдет, как с листьев ржавых медь.
Будь же ты вовек благословенно,
Что дано процветать и умереть.

Внизу, скромное, робкое, не иначе как девичье: “Спи, поэт!”» (Формаков 1938, 54). Вторая и последняя строки четверостишья в записи Формакова вариативные (трудно сказать, действительно ли Формаков переписал их или же процитировал по памяти), у Есенина они звучат по-другому: «Тихо льется с кленов листьев медь...» и «Что пришло процветать и умереть...».

После записи эпитафий герой знакомится с девушкой, носящей блоковское имя Фаина, и ведет с нею литературный диалог. Оказывается, Фаина занимается в литературной студии И. И. Ясинского и тоже пробует писать, но «пока неудачно», как она говорит. И далее, в перечислении имен писателей-современников, которых знает Фаина, звучат фамилии Клюева и Есенина. О Клюеве информация краткая: «Клюев? Да, встречаю. Он весь погряз в мистике: иконы, образки, полотенца. Вся комната завалена. Девушки у него не бывают...» (Там же, 56).

Клюев и Есенин не воспринимаются персонажами Формакова в литературной связи, как учитель и ученик. Повествование о них ведется отдельно. О Клюеве – дважды. В первом случае Клюев воспринимается героиней (очевидно, это и авторское отношение) отрицательно и как поэт («он весь погряз в мистике»), и

как человек («девушки к нему не ходят»). Во втором случае имя Клюева возникает в письме Фаины, посланном в Латвию. Фаина пишет о своем «социальном одиночестве», о разочаровании в партии, о своем предчувствии скорой кончины. И неожиданно возникают фразы: «А за окном золотая осень. Хочется стихов. На днях пойду к Клюеву» (Там же, 184).

Письмо героини Формакова написано в важный для Клюева 1927-й год, когда была опубликована его поэма *Деревня*, вызвавшая шквал нападок со стороны присных, особенно А. Безыменского. В этом же году Клюев начал работать над поэмой *Погорельщина* (Азадовский 1990, 272). Таким образом, фраза Фаины «Хочется стихов» наполняется особым смыслом, если вспомнить слова другой героини Татьяны Смурской, сказавшей Аркадию, что в Советской России «новых хороших поэтов [...], к сожалению, нет. Так, фельетонисты какие-то» (Формаков 1938, 95). Слова Фаины «На днях пойду к Клюеву» свидетельствуют о том, что душа героини пробудилась к истинной, а не фельетонно-демагогической поэзии. На Смоленском же кладбище Фаина была во многом дитем своего времени и общества, поэтому ее оценки Клюева и Есенина были тенденциозными.

Вот как она воспринимала смерть Есенина и пресловутую «есенинщину»: «Вы говорите, Есенин умер год назад? Нет. Я помню точную дату: 28 декабря 1926 года в 10 час[ов] утра, в гостинице “Англеттер”...» (Там же, 56). Здесь у Формакова явный недосмотр – поэт ушел в другой мир в ночь с 27-го на 28-е декабря 1925 года (Смерть Сергея Есенина 1996). Но интересно иное: далее героиня говорит

не столько о самоубийстве поэта, сколько о его убийстве: «Да, была там [в «Англетере» – Э. М.]. Видела его кровь, и последние стихи, кровью написанные... Настроение было ужасное... Нет, комната самоубийцы не была местом паломничества, но мы ходили смотреть обстановку, которая могла бы отчасти помочь разобраться в трагедии Сережи...» (Формаков 1938, 56). Фраза «видела его кровь, и последние стихи, кровью написанные» передает сомнение героини в самоубийстве поэта³.

Вторая часть монолога Фаины связана с темой «есенинщины» и сначала выдержана в духе официальных мнений: «Оказывает ли влияние на нас, молодежь, поход, начатый против Есенина, как певца разлагающих настроений? Конечно. Есенин разлагает, и настроения его в корне нездоровые». Но заключительная фраза монолога героини свидетельствует о ее стремлении самостоятельно разобраться в поступках поэта, и она констатирует, что «и трезвомыслящему человеку иногда хочется заглянуть в пропасть...» (Там же, 56).

Глава 20-я полностью посвящена Есенину. Она так и называется «У Есенина» и повествует о посещении главными героями (Аркадием Петровичем и Татьяной Смурской) Ваганьковского кладбища. У могилы Есенина они встречаются сначала молодого военного с двумя «барышнями-провинциалками», затем – московских девочек-пионерок. Герои

³ Упоминание о крови встречается и в стихотворении Василия Князева: «В маленькой мертвецкой у окна / Золотая голова на плахе. / Полоса на шее не видна, / Только кровь чернеет на рубахе». См.: *Тайна смерти Есенина*, состав. и ред. Николая Дмитриева, Москва, 1994, 133.

ведут с ними беседу и убеждаются в особом отношении к поэту людей разных возрастов и из разных мест. Так, «барышнии-провинциалки» являются поклонницами поэта, а «военный-москвич [...] горячо порицает культ “есенинщины”, с которым “партия пока еще не в силах справиться, но который понемногу все же испаряется”. Таня горячится, доказывая, что чтит в Есенине не хулиганство, а «русскую народную напевность стиха», которой «теперь ни у кого не осталось» (Там же, 99).

«Барышнии», поклонницы поэта, сравнивают своего кумира с Демьяном Бедным и Маяковским, не в пользу последних. «Барышнии» рассказывают «иностранцам»: «– Знаете ли, Маяковский Есенина терпеть не может. – Единственный, хоть и мертвый, конкурент во всероссийском масштабе. – А Демьян? – Ну, кто Демьяна считает поэтом! Так, Сосновский в стихах!...» (Там же, 99). Появление фамилии Сосновского на страницах романа свидетельствует об эрудиции Формакова, хорошо знавшего русскую писательскую среду за рубежом⁴ и в

⁴ В главе 19-й «“Незнакомка” Крамского» происходит разговор Аркадия Петровича с Татьяной о русской литературе за рубежом. Татьяна спрашивает:

«– Кто же у вас? Старики: Куприн, Бунин, Шмелев?.. Кто еще?»

– Зайцев. И совсем новые: Алданов. Исключительный мастер исторического портрета, большой эрудит и не меньший скептик. Еще: Сиринов. Он и стихи хорошие писал. Помню его «Маленькие драмы» под Пушкина. А теперь перешел на прозу, – общее явление для поэтов, в наше время – в особенности.

– А поэты, поэты, не переходящие на прозу, у вас за границей есть?

– Большого, единого имени нет, а маленьких, таких, как Безыменский, и получше, сколько угодно! И в Париже, и в Праге, и в Берлине – по несколько» (Формаков 1938, 96).

Советской России. Л. С. Сосновский (1886–1937) – одиозная фигура в литературной жизни 20–30-х годов. У Есенина в незаконченной заметке «Россияне» (1923) ему дана убийственно-точная характеристика: «Маленький картофельный журналистик, пользуясь поблажками милостивых вождей пролетариата и имеющий столь же близкое отношение к литературе, как звезда небесная к подошве его сапога, трубит почти около семи лет все об одном и том же, что русская современная литература контрреволюционна и что личности попутчиков подлежат весьма большому сомнению» (Есенин 1997, 240–241).

Формаков, сопоставляя Демьяна Бедного с Сосновским, обоим дает уничижительную оценку: и тот, и другой – не писатели. Маяковский же противопоставлен Есенину как поэт, они – конкуренты. Общественное поведение их тоже различно. Одна из «барышень» рассказывает о литературном выступлении Маяковского: «...Вот что произошло на вечере. Слушайте. Прочел Маяковский несколько своих вещей – и опять перерыв. Публика ропщет: третий перерыв, а чтения мало, скоро 12, последние трамваи уйдут... Он же в ответ на возгласы с мест говорит: “Это, чтобы все успели запастись книжками Лефа, где только что прочитанное напечатано. Продаются у входа”. Тут мы совсем рассвирепели. “Есенину к таким способам продажи прибегать не приходилось!” – кричит кто-то. Маяковский – нахал, его не сразу смутишь. Он в ответ: “Но что еще хуже – его приходилось продавать государственному издательству...”. Что тут началось! “Вон! Долой! Клеветник! Хоть мертвых оставьте в

покое!” Маяковский (голос, как труба) в ответ орет, покрывая шум: “Меня не перекричите, я сам всякого перекричу!.. Вы что же это, покойничков к ночи вспоминать боитесь?..”. Скандал страшнейший... – И чем же все кончилось? – полюбопытствовал Аркадий. – Ничем. Он ведь жулик. Стал цитировать Бухарина и так подвел, что все стали аплодировать» (Формаков 1938, 99–100).

Ситуация, описанная Формаковым, соответствует истине. П. И. Лавут в воспоминаниях *Маяковский едет по Союзу* неоднократно говорит о разном восприятии слушателями его поэзии. Так, после одного из литературных вечеров, «неожиданно Маяковский предлагает спрятаться за кусты и подслушать, что говорит публика. Раздаются голоса:

- Здорово читает!
- Какой нахал!
- Ну и талантище!
- Какой остроумный!
- Подумайте, как он на записки отвечает. Кроет, очнуться не дает!
- Хвастун здоровый.

(Лавут 1963, 51)

Интересно, что «барышня» упоминает цитирование Маяковским нашумевших «Злых заметок» Бухарина, опубликованных 12 января 1927 г. в газете *Правда*. Утверждая талантливость Есенина, чей «стих звучит нередко, как серебряный ручей», Бухарин все это перечеркивал одним махом, подверстывая творчество поэта под идеологию «народного национализма» (Бухарин 1989, 207). «Злые заметки» были теоретическим обоснованием партийной политики в области литературы, а Маяковский на практике ее утверждал (см. стихотворение «Сергею

Есенину»). Это понимали и тогдашние слушатели его литературных вечеров – персонажи романа Формаква («Он ведь жулик. Стал цитировать Бухарина и так подвел, что все стали аплодировать»).

После посещения мест упокоения Ширяевца и Неверова герои романа, Аркадий Петрович и Татьяна, вновь возвращаются к могиле Есенина. Там они застают «пятнадцатилетних девочек». Словоохотливые девочки поясняют им, кто похоронен рядом с Есениным: «Это – могила Г. А. Бениславской, которую один из биографов Есенина называет “самым преданным другом его последних лет”. В ней он нашел соединение жены, любящего друга, сестры, матери. Без усталости, без упрека, без ропота несла она тяжкую ношу забот о Есенине: от печатанья стихов, раздобывания денег, забот о здоровье, больниц, охраны его от назойливых кабацких “друзей” до розысков его по ночам в милиции. Этого редкого и, нужно сказать, единственного друга Есенин недостаточно ценил. Он часто твердил: – Галя мне друг. Галя мне единственный друг. Но еще чаще забывал это.

Когда между ними произошел разрыв, Есенин понял, что потерял ценнейшую опору в жизни. Он вышел из ее комнаты и в коридоре сказал себе: – Ну, теперь уж меня никто не любит, раз Галя не любит.

Среди множества причин, которые в итоге привели Есенина к гибели, разрыв с Бениславской был не последней причиной» (Формаков 1938, 100).

Эти пояснения «пятнадцатилетних девочек» на самом деле являются почти дословной цитатой «одного из биографов Есенина», не названного Формаквым. Биографов поэта в те годы было не так

уж много, поэтому без особого труда можно назвать автора и источник цитирования. Это – Софья Виноградская, автор воспоминаний *Как жил Есенин*, опубликованных в 1926 г. В ее воспоминаниях можно прочесть следующее (выделим курсивом слова, не попавшие в текст Формаква): «*Но самым ценным, самым преданным другом последних лет была Г. Бениславская. С невиданной самоотверженностью, с редким самопожертвованием посвятила она себя ему.* В ней он нашел редкое соединение жены, любящего друга, родного человека, сестры, матери. Без усталости, без упрека, без ропота, *забыв о себе, словно выполняя долг*, несла она тяжкую ношу забот о Есенине, о всей его жизни – от печатанья его стихов, раздобывания денег, забот о здоровье, больницах, охраны его от назойливых кабацких «друзей» до розысков его ночами в милиции. Этого редкого и, нужно сказать, единственного настоящего друга Есенин недостаточно ценил. Он часто твердил: “Галя мне друг; Галя мне единственный друг”. Но еще чаще забывал это.

Когда между ним и *Бениславской* произошел разрыв, Есенин понял, что потерял ценнейшую опору в жизни – *друга*. Он вышел из ее комнаты и в коридоре сказал себе *вслух*: “Ну, теперь уж меня никто не любит, раз Галя не любит”.

Среди множества причин, которые в итоге привели Есенина к гибели, разрыв с Бениславской был не последней причиной» (Виноградская 1992, 22).

Выделенные в тексте С. Виноградской слова Формаква не включил в свое произведение: ведь, по логике изложения, информацию герой романа получает от «пятнадцатилетних девочек», и надо было

как-то приблизить к ним текст Виноградской. А вот дальше идет монолог автобиографического героя: «Драма ее [Бениславской. – Э. М.] – загадка. Чувствовала ли она себя виноватой в его самоубийстве? Во всяком случае, она не перенесла его ухода и весной 1927 г. застрелилась» (Формаков 1938, 101–102). Формаков не знал точной даты гибели Бениславской, о чем свидетельствует другая датировка ее смерти в очерке *Две могилы* – «весной 1925 г.». Обе даты ошибочны: самоубийство Бениславской произошло на могиле Есенина в ночь с 3 на 4 декабря 1926 года (Хлысталов 1991). Глава 20-я «У Есенина» завершается чтением стихов поэта: девочки декламируют стихотворение «Гой ты, Русь моя родная...», тем самым Формаков устами своих персонажей свидетельствует о бессмертии поэта, несмотря на усиленную травлю его со стороны власть предержащих и поэтов, обслуживающих эту власть.

Есенинские цитаты появляются и в эпилоге романа, они открывают письмо Фаины, посланное ею Аркадию в Латвию:

«Пойду по белым кудрям дня
Искать убогое жилище,
И друг любимый на меня
Наточит нож за голенищем...

С. Есенин.

Неомытую похоронят под собачий лай. Не останется обо мне ничего: даже доброй памяти» (Формаков 1938, 181).

Эпиграф в письме Фаины не совсем точен: последние слова второй строфы стихотворения «Устал я жить в родном краю...» (1916) звучит по-другому – «за голенище». А первая фраза письма, хотя и не заковычена, является аллюзией есенинских строк из этого же стихотво-

рения «И неомытого меня / Под лай собачий похоронят». И если вспомнить, что Фаина – один из ликов России, а Блок и Есенин, как говорит об этом герой Формакова, – это «могилы прошлого», то в общем завершающем контексте эпилога есенинские цитаты констатируют духовную смерть этнической родины. Поездка в СССР для Аркадия Петровича – это поездка на могилу великого прошлого без диалога с настоящим. Поэтому роман Формакова и завершается символически: «Аркадия письмо Фаины потрясло. Он сейчас же ответил большим сердечным письмом, но оно как в воду кануло. Все попытки связаться с Фаиной не дали никаких результатов» (*Там же*, 186).

Надо сказать, что у героя есть прозвище, которое дала ему Татьяна Смурская и которое является объединяющей их тайной. Некогда, в Великих Луках, «шестеро молодых девушек и трое молодых людей» играли в «игру цветов», и Аркадий, реалист последнего класса, получил от Татьяны карточку со словом «василек». Так началось их взаимное влечение друг к другу, и так возник их тайный пароль. В этом флористическом обозначении скрыт есенинский подтекст, хотя Формаков его тщательно прячет. Говоря о любви Татьяны к поэзии, Формаков перечисляет поэтов, чьи стихи она читала Аркадию: Блок, Бальмонт, Северянин, Лохвицкая, Фофанов (*Там же*, 11). Есенин не назван. Но аллюзии из Виноградской, в том числе и «васильковые», рассыпаны в тексте. Так, у Софьи Виноградской Формаков мог прочитать следующее воспоминание: «...Однажды его [Есенина – Э. М.], сонного, осыпали васильками. На подушке, залитая солнеч-

ными лучами, утопая в васильках, обрамленная воротом шелковой рубашки, лежала чудесная золотая голова!.. Он проснулся, синие васильки глянули из его глаз, солнце и васильки веселили его, радовали» (Виноградская 1992, 15–16). Аллюзии данного фрагмента отражаются в сцене покупки цветов Аркадием Петровичем и преподнесении их Татьяне Смурской: «“Это был настоящий василь-

ковый пир!” – смеялась потом она» (Формаков 1938, 11).

Василек для Есенина – флористический символ России. Формаков не мог не знать этого. И думается, что «васильковый код» заключал в романе Формакова *Фаина* потаенную любовь его автора к художнику, сумевшему стать «настоящим, а не сводным сыном» для своей отчизны.

ЛИТЕРАТУРА

Абызов 1996 – Абызов Ю., «Латвийская ветвь российской эмиграции», *Блоковский сборник*, XIII, Тарту, 1996.

Азадовский 1990 – Азадовский К., *Николай Клюев. Путь поэта*, Ленинград, 1990.

Бухарин 1989 – Бухарин Н., «Злые заметки», *Российский ежегодник*, 1989, вып. 1.

Виноградская 1992 – Виноградская Софья, «Как жил Есенин», *Как жил Есенин. Мемуарная проза*, Челябинск, 1992.

Гуль 1990 – Гуль Р., «Жизнь на фукса», *Белое движение: начало и конец*, Москва, 1990.

Долгополов 1988 – Долгополов Л., *Андрей Белый и его роман «Петербург»*, Ленинград, 1988.

Замятин 1999 – Замятин Е. И., *Я боюсь: Литературная критика. Публицистика. Воспоминания*, Москва, 1999.

Есенин 1916 – Есенин Сергей, *Радуница*, Петроград, 1916.

Есенин 1921 – Есенин Сергей, *Радуница*, Москва, 1921.

Есенин 1997 – Есенин Сергей, *Полное собрание сочинений в 7 тт.*, Москва, 1997, т. 5.

Клюев 1919 – Клюев Николай, *Песнослов*, кн. первая, Петроград, 1919.

Лавут 1963 – Лавут П. И., *Маяковский едет по Союзу. Воспоминания*, Москва, 1963.

Мекш, Хазан 1995 – «А. Формаков. Две могилы. Из впечатлений поездки в СССР», публ.

и коммент. Э. Мекша и В. Хазана, *Есенинский сборник*, Даугавпилс, 1995.

Смерть Сергея Есенина 1996 – *Смерть Сергея Есенина. Документы. Факты. Версии. Материалы Комиссии Всероссийского писательского Есенинского комитета по выяснению обстоятельств смерти поэта*, Москва, 1996.

Трофимов 2002 – Трофимов Иосиф, «Как Формаков в Россию ездил», *Newgene: Альманах независимых интерпретаций действительности*, Даугавпилс, 2002.

Формаков 1925 – Формаков Арсений, *Вечера прошлого. Стихи*, Рига, 1925.

Формаков 1926 – Формаков Арсений, *В пути. Стихи*, Двинск, 1926.

Формаков 1934 – Формаков Арсений, *Встреча. Стихи 1926–30 гг.*, Даугавпилс, 1934.

Формаков 1938 – Формаков Арсений, *Фаина. Роман*, Рига, 1938.

Формакова 2002 – «А. И. Формаков (1900–1983). Биография (по воспоминаниям дочери Е. Формаковой)», публ., вст. ст. и коммент. Э. Б. Мекша, *Балтийский архив. Русская культура в Прибалтике*, VII, Вильнюс, 2002.

Хлысталов 1991 – Хлысталов Э., «Выстрел на кладбище», *На страже*, Москва, 21 сентября 1991 года.

Эткинд 1988 – Эткинд Е., «Русская поэзия XX века как единый процесс», *Вопросы литературы*, 1988, № 10.

Eduards Mekšs

Santrauka

Arsenijus Formakovas (1900–1983), tarpukario metais Latvijoje gyvenęs rusų poetas, prozininkas, publicistas, memuaristas savo eilėraščiuose orientavosi į urbanistinę Igorio Severianino poeziją ir polemizavo su Nikolajaus Kliujevo bei Sergejaus Jesenino rusiškojo kaimo poetizavimu. Tačiau Formakovo publicistikoje ir prozoje aptinkamas geranoriškas dėmesys Jeseninui ir jo kūrybai. Po Jesenino mirties Forma-

kovas paskelbė keletą straipsnių ir apybraižų, skirtų rusų poetui ir jo atminimui. Straipsnyje detaliai analizuojamos Jesenino tema, poeto eilėraščių citatos, aliuzijos į tuometinę kritiką ir memuarus Formakovo romane *Faina* (1938). Analizė leidžia teigti, kad romano tekste paslėpta jo autoriaus meilė Sergejui Jeseninui, kuris kartu su Aleksandru Bloku romano *Faina* autoriaus sąmonėje įkūnija tėvynės vaizdą.

ESENIN IN THE CREATIVE FATE OF ARSENIY FORMAKOV (THE 1920 – 30IES)

Eduard Meksh

Summary

In the article are examined the attitudes of poet, writer, publicist and memoirist Arseniy Formakov (1900–1983) toward dainty lyric Sergey Esenin and his poetry. In the verses by Formakov are obvious the orientation to the urbanistic poetry by Igor Severyanin and controversy with the poetization of the village by Nikolai Klyuev and Sergej Esenin. In the poetry by Formakov clearly predominates antiese-

ninistic directivity. On the contrary, in journalism and prose by Formakov appeared close and benevolent attention to Esenin and his poetry. In the article are noted some Formakov's essays and sketches devoted to Esenin. Especially in detail is analyzed the theme of Esenin and citations from his verses and memoirs of biographers in the novel *Faina* (1938). The secret love of its author for Sergey Esenin in the novel appeared.

Получено: 2004, февраль.

Принято: 2004, февраль.

Адрес автора:
Daugavpils universitāte
Humanitārā fakultāte
Krievu literatūras un kultūras katedra
Venības ielā 13
LV-5401 Daugavpils
E-mail: rusal@dau.lv